

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СИНОДАЛЬНОЙ КОРМЧЕЙ (ГИМ, Син. 132)

Новгородская Синодальная Кормчая (далее НСК) представляет собой не столь уж частый пример того, как игравшая огромную роль в политической и культурной жизни своей эпохи рукопись — созданный в XIII в. и хранившийся на протяжении столетий в Софийском соборе авторитетнейший свод канонических норм — и впоследствии оказывается чрезвычайно интересной для науки. Являясь наиболее ранним списком составленной при митрополите Кирилле новой Кормчей книги, она не только сохранила в себе ряд значимых для древнерусской книжности текстов, но и отразила важный этап формирования Первоначальной русской редакции Кормчей, и даже сами обстоятельства появления кодекса, написанного, согласно выходной записи, «повѣлѣнием благовѣрнаго князя Новѣгородскаго Дмитрія, а стяжанием боголюбиваго архиепископа Новѣгородскаго Климента» специально для «церкви святыя Софія», с неизбежностью придают ему характер ценнейшего исторического источника.

Уточнению важных деталей контекста создания памятника, однако, мешает утрата части текста выходной записи, содержащей последнюю цифру или две цифры даты его завершения: читаются лишь 6000 и 700, а число десятков и, если оно было, единиц годов, утрачено (или они изначально не были вставлены). Работавший с рукописью в начале XIX в. К.Ф. Калайдович указал, что она написана в 6790 г., и это позволяло ученым впоследствии полагать, что в то время дата читалась еще целиком (*Калайдович*, 1815. С. 19). Но в противовес этому в историографии уже давно было выдвинуто возражение, по которому в ожидаемом тогда 1282 г., а также и позднее великий князь Дмитрий Александрович находился в «размирьи» с новгородцами и вряд ли мог быть упомянут в качестве «благоверного», и, следовательно, НСК завершена или чуть ранее, вплоть до 1280 г., или позже, после 1284 и до 1291 г. (*Тихомиров*, 1941, С. 82; *Янин*, 1978. С. 292). В последнем по времени исследовании, специально посвященном Кормчим книгам, предложено вернуться к датировке создания рукописи 1280–1282 гг., а также сделано предположение об осознанном стирании даты писцами при окончании работы, связываемом с политическими мотивами (*Корогодина*, 2017-1. С. 70–71).

Все авторы, выдвигавшие варианты датировки НСК, отмечали важность в этом отношении содержащегося в ней «Летописца вскоре» патриарха Никифора, дополненного и продолженного русскими до-

бавлениями, которые доводят изложение событий до времени, крайне близкого к написанию рукописи, упоминая о смерти ростовского князя Глеба, по летописям датируемой 13 декабря 1278 г. Указанный Летописец, однако, несмотря на то, что впервые он был опубликован еще в приложениях к I тому Полного собрания русских летописей в 1846 г. и, как отмечено М.Н. Тихомировым, «по существу является первым датированным списком русской летописи», объектом специального исследования до настоящего времени не становился¹. А.А. Шахматов коснулся этой темы в работе об источниках «Повести временных лет», придя к выводу, что вторая, Распространенная редакция «Летописца вскоре» (к ней он отнес и список в НСК), которую отличает наличие русских дополнений, возникла при переработке первой, представлявшей собой перевод византийского «Хронографикона» Никифора, и при этом возникла именно в Кормчей (Шахматов, 1940. С. 63). М.Н. Тихомиров в «Исследовании о Русской Правде» заключил, что изложение русских событий в Летописце выдает в его авторе «жителя Суздальской, точнее Ростовской земли», а сам Летописец послужил «одним из источников» НСК, причем «этот источник был владими́ро-суздальского и, вероятно, даже ростовского происхождения» (Тихомиров, 1941, С. 84). Позже, однако, к этому предположению добавилось и еще одно: памятник, видимо, составлен не в Ростове, а при дворе Дмитрия Александровича, великого князя владимирского, а его цель – «показать, кто занимал великокняжеский престол» (Тихомиров, 1957. С. 8). К последнему мнению в статье об истории текста НСК присоединился и Я.Н. Щапов (Щапов, 1962. С. 300). Но одновременно с выходом этой его работы все тот же М.Н. Тихомиров в своей новой публикации Летописца отметил как «интересную особенность Новгородского краткого летописца» то, что в нем «почти нет новгородских известий, зато относительно много ростовских», и вновь заключил, что «это может указывать на его ростовское происхождение» (Тихомиров, 1962. С. 235).

А.Н. Насонов в книге об истории русского летописания соотнес идеологическую концепцию обсуждаемого Летописца с гипотетическим великокняжеским сводом Дмитрия Александровича 1281 г., созданным в значительной мере на ростовском летописном материале и включавшим, по мнению исследователя, проводимую его автором идею «единства северо-восточных князей», которой в продолжении «Летописца вкратце» со-

¹ ПСРЛ, 1846. С. 248–252. Последующие публикации: Степанов, 1912. С. 292–320 (параллельно греческому тексту); Тихомиров, 1962 (с разночтениями по Варсонофьевскому списку и с фототип. воспроизв.); Пиотровская, 1998. С. 129–132. По Голицыньскому списку Летописец опубликован в прил. ко 2-му изд. Н4Л (ПСРЛ, 1929. С. 627–632). Вопрос об отношении Летописца в НСК к греческому тексту «Хронографикона» рассматривался Н.В. Степановым (Степанов, 1912). Русская рукописная традиция «Летописца вскоре» исследована Е.К. Пиотровской; обсуждаемый памятник ею отнесен ко второму виду 2-й (Распространенной) редакции, являясь наиболее ранним его списком (Пиотровская, 1998).

ответствует идея единства «всей Русской земли» (Насонов, 1969. С. 195, 412). Было особо отмечено, что в Летописце наряду с владимирскими князьями называются и княжившие в Ростове и в Ярославле. Ученый пришел к выводу, что памятник, «судя по содержанию, составлялся в первоначальном виде в Ростове», при этом при создании «его или его протографа» привлекалась Кормчая. Летописец был написан в 70–80-х гг. XIII в., возможно, с учетом последнего сообщения о смерти Глеба Ростовского, в 1279 г., а затем вошел «в Кормчую, предпринятую „по повелению“ Дмитрия Александровича» (Насонов, 1969. С. 411–412).

Наконец, в обобщающем труде о византийском и южнославянском правовом наследии на Руси Я.Н. Щапов отнес «Летописец вскоре» в составе определенной им как Русская редакции Кормчей книги к занимающим не основное, но важное место среди ее пополнений традиционным историческим и просопографическим статьям, присутствовавшим и в предшествующих редакциях (Щапов, 1978. С. 199). Текст вошедшей в состав Кормчей Распространенной редакции «Летописца» оканчивается сообщениями о смерти ростовских князей Бориса (1277) и Глеба (1278) и, следовательно, был завершен в эти годы в Ростове (Щапов, 1978. С. 204). С учетом этого, а также основываясь на предполагаемом в последней трети XIII в. перемещении «центрального очага сопротивления татарским насилиям в менее разоренную Ростовскую землю», при выборе между Ростовом и Владимиром как возможными центрами завершения работы над Русской Кормчей в 1279–1280 гг. ученый приходит к выводу о связи второго этапа этой работы, происходившего, «очевидно, в Северо-Восточной Руси между 1279 и 1282 г.», с Ростовом, скорее всего, с его епископской кафедрой (Щапов, 1978. С. 208).

Таким образом, исследователи, обращаясь к «Летописцу вскоре», содержащемуся в НСК, в первую очередь обращали внимание на его последние записи о кончинах князей, даты которых известны из летописания, чтобы с опорой на эти данные выдвинуть гипотезы о времени создания рукописи. Наличие в русских добавлениях ростовских известий служило базой для предположения о той или иной связи Летописца с Ростовом, а отмеченное присутствие сообщений о владимирских, ростовских и ярославских князьях вкупе с упоминаниями о единстве «всей Русской земли» при Рюрике и при Всеволоде Юрьевиче позволило А.Н. Насонову поместить обсуждаемый памятник в контекст великокняжеского летописания, сделав определенные выводы и о его идейной концепции.

Оставляя за рамками данной статьи детальное рассмотрение Летописца, ограничимся наблюдениями, которые видятся значимыми для той проблемы, которой статья посвящена. Во-первых, заметим, что с мнением М.Н. Тихомирова, по которому речь идет о первом датированном списке русской летописи, трудно согласиться в полной мере. Несмотря на заглавие, по своему характеру «Летописец вкратце» из НСК все же отличен от современной ему летописной традиции, примыкая, как и указал

Я.Н. Щапов, к разного рода историческим и просопографическим статьям и перечням. Если говорить о позднейших параллелях его русским дополнениям, то наиболее близкими к ним типологически видятся статьи «Сице родословятся великие князи русские», «Кто колико княжил», «А се князи русьстии», предшествующие Синодальному списку Новгородской I летописи, и «Начало князей Руских» из сборника Муз. № 3841 с «Летописцем русским» (Насонов, 1955. С. 320–321).

Кроме того, укажем, что вопреки мнению всех писавших о памятнике авторов, последним упомянутым в нем событием оказывается вовсе не смерть князя Глеба Василковича, а вокняжение в Ростове его племянников, братьев Дмитрия и Константина Борисовичей. Несмотря на то, что в тексте об этом сказано до сообщения о кончине Глеба, в реальности, что легко устанавливается по летописным данным, сыновья его умершего годом раньше брата Бориса заняли ростовский стол только лишь после кончины своего дяди (ПСРЛ, 1928. Стб. 525; Насонов, 1955. С. 296). Глеб умер 13 декабря 1278 г. Незадолго до этого, 11 октября, он отправил «въ татары на войну», т. е. на военную службу хану, сына Михаила и его тестя Федора Ростиславича, происходящего из смоленского княжеского дома и, судя по всему, в то время держащего опустевший после пресечения ярославской ветви потомков Константина Всеволодича стол Ярославля. Жена Глеба, знатная ордынка, в крещении Феодора, умерла пятью годами ранее. Глеб похоронили в том же ростовском соборе Успения, где покоилась его супруга, и князя, как ранее и его княгиню, погребал один и тот же ростовский епископ Игнатий.

О присутствии на похоронах Глеба других князей не сказано, и, с учетом того, что годом раньше, и так же «на войну» хана Менгутемира, ходили все ростовские князья, приходится предположить, что и в конце 1278 г. туда опять ушли не только его сын и свояк, но и его племянники Дмитрий и Константин. Еще одним доводом в пользу их отсутствия в Ростове в момент кончины дяди и некоторое время впоследствии – помимо того, что их не было на похоронах и что нет указаний на немедленное вокняжение братьев-Борисовичей сразу после этих похорон – служит эпизод, известный в связи с епископом Игнатием. Приехавший летом 1280 г. в Суздальскую землю митрополит Кирилл отлучил Игнатия от службы, узнав, что тот «не по правилом осудил [...] бѣ своего князя Глѣба, уже по смерти за 9 недѣль, и изрину князя изъ соборныа церкви в полунощи, и повелѣ его погresti у святого Спаса въ княгининѣ монастырѣ» (ПСРЛ, 1913. С. 77). Епископ был прощен лишь по челобитью Кириллу ростовского князя Дмитрия Борисовича. Описанный казус сложно интерпретировать иначе, как акт, направленный на умаление наследных прав на Ростов сына Глеба Василковича Михаила. Его отец больше не покоился в кафедральном соборе, погребение в котором служило легитимации династического статуса. Лицо, заинтересованное в происшедшем, трудно не увидеть в новом ростовском князе Дмитрие, который и вступился потом за владыку. То, что случившееся тоже произошло не сразу после кон-

чины Глеба и не в момент его погребения, а лишь спустя 9 недель, в середине февраля 1279 г., позволяет думать, что столкновение, связанное с судьбой ростовского наследия Бориса и Глеба, разгорелось не в 1278 г., а в следующем за ним 1279-м, после возвращения его фигурантов в Ростов. Еще одним актом этой борьбы стало лишение Михаила Глебовича занявшим ростовский стол Дмитрием неких завещанных тому «волостей» «съ грѣхомъ и съ неправдою» уже летом 1279 г. (ПСРЛ, 1913. С. 77).

Конфликт между наследниками Бориса и Глеба Васильковичей освещался в историографии и хорошо известен, более того, после кончины брата его явно предвидел и сам князь Глеб, который 31 июля 1278 г. попытался упрочить будущее положение сына союзом с Федором Ростиславичем (тот уже вскоре, в 1280 г. получит по наследству и Смоленск), скрепив его браком Михаила и дочери Федора. Характерно, что Дмитрий Борисович отсутствует в перечне бывших на их свадьбе (ПСРЛ, 1913. С. 76). С этим же династическим конфликтом между братьями-Борисовичами и Михаилом Глебовичем, насколько возможно судить, может быть соотнесена и одна значимая применительно к «Летописцу вскоре» подробность.

Как говорилось, в его заключительном пассаже изменена последовательность событий: сказано, что «Борисъ Ростовскыи княжи лѣт 40 и умре въ Татарехъ. И сѣдоста въ Ростовъ сына его Дѣмитрии и Костянтинъ, а Глѣбъ приехавъ ис Татаръ, княживъ 7 мѣсяць и умре» (Тихомиров, 1962. С. 239²). Изменение вроде бы связано с ходом повествования, но при этом создает у читателя впечатление последовательного и логичного перехода власти от Бориса к его сыновьям, а пребывание Глеба на ростовском столе обретает характер не получившего продолжения краткого эпизода, завершившегося кончиной князя. Разумеется, даже не затронут и вопрос о правах на Ростов сына Глеба. Другие дополнительные детали, способные служить основой наблюдениям о последовательности создания добавлений «Летописца вскоре», дошедшего в составе НСК, можно, как представляется, выявить, обратившись к общей структуре этих добавлений.

Там перечисляются князья, занимавшие киевский стол, и формуляр записей краток и весьма устойчив: называется имя князя и число лет, которые он сидел в Киеве (изредка приводятся какие-то детали и генеалогические пояснения), параллельно указываются и сменявшие друг друга византийские «цесари». Последнее упоминание о тех соседствует с известием, что Андреи «от отца иде Суждалю въ лѣт[о] 6663, княжи въ Володимѣри лѣт[о] 21, по огнѣ смерти нача быти Киевское княжение въ воли его, в то врѣмя цесарь бѣ Мануиль», и на этом восходящая

² В публикации М.Н. Тихомирова вместо цифры «7» ошибочно поставлено «6», что ввело в заблуждение А.В. Лаушкина (Лаушкин, 2002. С. 10), но там же в фототипическом воспроизведении л. 575 об. НСК число месяцев княжения Глеба обозначено хорошо видимой буквой «земля».

к «Хронографикону» византийская линия обрывается. После записи, что в «Володимѣри сѣде по Михалцѣ брат его Всеволодъ Юрьевичъ лѣтъ 37, владѣя всею землею Русскою», Киев также перестает упоминаться, и далее княжение во Владимире предполагает, видимо, и власть над всею Русскою землею, во всяком случае, происходящее за пределами власти владимирских князей не интересует автора текста. Однако после известия о княжении во Владимире следующего князя, Константина Всеволодича, линия повествования вновь раздваивается: «по Костянтинѣ брат его Юрьѣ сѣде въ Володимѣри, а Костянтиновичи Василко в Ростовѣ, Всеволодъ въ Ярославлѣ». Далее в сообщении о татарском нашествии сказано о гибели Юрия Всеволодича и Василка Константиновича, т. е. владимирского и ростовского князей, а вслед за тем «сѣде въ Володимѣри Ярославъ брат Юрьевъ лѣтъ 9, а Ростовѣ седѣ княгыни Василковая съ сынома Борисомъ и Глѣбомъ» (*Тихомиров*, 1962. С. 239).

Таким образом, начиная с Константина параллельно перечисляются князья, занимавшие столы во Владимире и в Ростове, причем из текста хорошо видно, что и те, и другие были потомками Всеволода, и никаких указаний на различие их статусов не приводится. Возникающую в результате концепцию неявного равенства, или, во всяком случае, сопоставимости Владимира и Ростова и княжащих там линий Всеволодичей никак нельзя связать с владимирским великокняжеским летописанием, что иногда делалось в историографии; такой текст мог быть связан только с ростовским потомством Константина Всеволодича.

Заметим, однако, резко выпадающую из общей структуры текста деталь. В нем, в отличие от всех прочих князей, нигде не говорится о вокняжении Бориса Василковича. Указано лишь, что Ростов в 6746 г. остался за вдовой Василка Марией с двумя их малолетними сыновьями, о том же, что в Ростове когда бы то ни было сел Борис, не упомянуто, как и о каком-то изменении статуса Глеба. При этом в финальном пассаже вдруг сообщается, что «Борисъ Ростовскыи княжи лѣтъ 40 и умре в Татарехъ». 40 лет княжения умершего в 1277 (6785) г. Бориса, таким образом, явно задним числом отсчитываются от 6746 г., т. е. от гибели отца Бориса и Глеба Василка Константиновича весной 1238 г., когда Борису было лишь шесть лет. На долю Глеба автором пассажа оставлено лишь 7 месяцев княжения в Ростове по возвращении из Орды, хотя, как отметил А.В. Лаушкин, время княжения Глеба, если считать от смерти Бориса, должно было насчитывать 1 год и три месяца (*Лаушкин*, С. 10). При этом, в отличие от Бориса, Глеб даже не назван Ростовским. Думается, можно зафиксировать различие концепций основного текста русских дополнений «Летописца вкратце», не затрагивавшего вопроса о распределении власти в Ростове после получения его Марией с сыновьями, и его финального пассажа, согласно которому все это время вплоть до своей кончины в Ростове правил один Борис, и такую смену концепции проще всего связать с изменением ситуации из-за

конфликта между сыновьями Бориса и сыном Глеба, как сказано, разгоревшегося в 1279 г.

С учетом важного наблюдения Я.Н. Щапова, по которому свободное место после текста, позволяющее при необходимости продолжать Летописец новыми известиями, в размере 14 строк имеется даже в НСК и, следовательно, могло наличествовать и в ее ближайшем протографе (Щапов, 1962. С. 299), видится возможной гипотеза, что первоначально текст ростовских дополнений «Летописца вскоре» завершался известием о княжении Василия Ярославича и о его кончине (январь 1277 г.), а последней фразой было: «И нача ведати великое княжение Дмитрии Ольсандровичь». В этом случае применительно к власти над Ростовом в первоначальном тексте постулировалось следующее из записи, что в 1238 г. в нем «сѣде» с сыновьями мать Бориса и Глеба, совместное владение Ростовом братьями-Василковичами, и, во всяком случае, близость их статусов. Это соответствует и тому, что известно из летописей: как Борис, так и Глеб наравне упоминаются там в качестве присутствующих или в Орде, или только в Ростове, они постоянно вместе участвуют там в различных событиях, в главном ростовском храме погребается жена Глеба, более того, само известие о каком-то особом вокняжении Глеба после смерти Бориса отсутствует в ростовском летописании.

Значимым видится и то, что в сообщении о посажении в Ростове княгини Марии с детьми не указана длительность последующего княжения – в отличие от прочих упоминаемых князей, продолжительность правления которых во время создания дополнений была известна, и в записях о вокняжении которых сообщается и число лет, которые они затем занимали стол. Это вынуждает полагать, что к моменту завершения основного текста и Борис, и Глеб еще были живы. В противном случае, если бы весь Летописец с дополнениями полностью создавался уже после кончины Глеба Василковича и вокняжения его племянников в ситуации династического спора между наследниками Бориса и Глеба, в котором епископ, судя по всему, встал на сторону первых, то в тексте дополнений следовало бы ожидать обоснования изначально приоритетного положения Бориса по отношению к Глебу и специального указания на начало его единоличного княжения уже с 1238 г., однако такого рода обоснование возникает лишь в его весьма целостном, несмотря на краткость, финальном пассаже.

Следствием принятия данной гипотезы становится вывод, что первоначальный текст Летописца с дополнениями завершен в Ростове не позднее первой декады октября 1277 г. и включен в состав Кормчей, где в результате событий 1277–1279 г. был пополнен заключительным фрагментом о кончинах Бориса и Глеба и о переходе власти к Дмитрию и Кон-

стантину Борисовичам³. Эта находившаяся в Ростове Кормчая послужила протографом (скорее всего, антиграфом) НСК⁴. Замысел создания НСК в таком случае, как уже делалось в историографии, проще всего связывать с присутствием во второй половине 1280 г. в Переяславле как митрополита Кирилла и великого князя Дмитрия Александровича, так и архиепископа Климента и ростовского епископа Игнатия, который мог распоряжаться принадлежащим его кафедре списком Кормчей⁵. Завершение работы над новгородским списком в этом случае действительно может быть отнесено к моменту, когда находившийся благодаря дипломатической активности Климента в состоянии мира с Новгородом великий князь Дмитрий Александрович зимой 1281–1282 г. подвергся неожиданному нападению брата Андрея и приведенных тем татарских сил и, вынужденный бежать, в итоге лишился новгородской поддержки.

Литература

- Вершинин*, 2019 – *Вершинин К.В.* Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019.
- Калайдович*, 1815 – *Калайдович К.Ф.* Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. М., 1815. Ч. 1.
- Корогодина*, 2017 – *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. Исследование. СПб., 2017. Т. 1.
- Корогодина*, 2017 – *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Описание редакций. СПб., 2017. Т. 2.
- Корогодина*, 2018 – *Корогодина М. В.* Откуда родом «полоцкая» Кормчая? // *Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори.* М., 2018. С. 295–306.
- Лаушкин*, 2002 – *Лаушкин А.В.* Малоизученный эпизод ростовского летописания второй половины XIII века // *ИКРЗ.* 2001. Ростов, 2002. С. 6–14.
- Насонов*, 1955 – *Насонов А.Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // *Проблемы источниковедения.* М., 1955. Вып. 4. С. 243–285.
- Насонов*, 1969 – *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969.
- Пиотровская*, 1998 – *Пиотровская Е.К.* Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» Константинопольского патриарха Никифора) // *Православный Палестинский сборник.* СПб., 1998. Вып. 97 (34).

³ Об уровне развития книжности в Ростове во времена митр. Кирилла и еп. Игнатия, а также о связях между дополнениями Кормчей Русской редакции младшего вида и такими памятниками, как Мерило Праведное, «Правило черноризцем» и Послание Иакова черноризца князю Дмитрию Борисовичу см.: *Вершинин*, 2019. С. 188–233

⁴ А также, прямо или опосредованно, Варсонофьевскому списку Кормчей (о нем см.: *Корогодина*, 2017–1. С. 75–77; 2017–2. С. 81 и далее *Корогодина*, 2018. С. 300–301)

⁵ Об обстоятельствах копирования архиерейских канонических книг см. также: *Корогодина*, 2018. С. 302; *Уханова*, 2018. С. 329–330.

ПСРЛ, 1846 – ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1.

ПСРЛ, 1913 – ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18.

ПСРЛ, 1928 – ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Вып. 3.

ПСРЛ, 1929 – ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3.

Степанов, 1912 – *Степанов Н.В.* «Летописец вскоре» патриарха Никифора в Новгородской Кормчей // ИОРЯС. СПб, 1912. Т. 17. Кн. 3 С. 256–320.

Тихомиров, 1941 – *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. М., 1941.

Тихомиров, 1957 – *Тихомиров М.Н.* Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // Вестник истории мировой культуры. 1957. №. 3. С. 3–12.

Тихомиров, 1962 – *Тихомиров М.Н.* Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 234–243.

Уханова, 2018 – *Уханова Е.В.* Кодикологические особенности рукописей новгородского архиепископского скриптория последней четверти XIII – XIV вв.: Климентовская и Варсонофьевская Кормчие (ГИМ. Син. 132 и Чуд. 4) // Специальные исторические дисциплины. М., 2018. Вып. 2. С. 320–367.

Шахматов, 1940 – *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9–150.

Щапов, 1962 – *Щапов Я.Н.* К истории текста Новгородской Синодальной кормчей // Историко-археологический сборник [А. В. Арциховскому — к 60-летию]. М., 1962. С. 295–301.

Щапов, 1978 – *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси. М., 1978.

Янин, 1978 – *Янин В.Л.* О дате Новгородской Синодальной кормчей // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 287–292.